

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *С. Прохоровой*

Издание осуществлено при содействии литературного агента
Н. Я. Заблоцкиса

Веденская, Татьяна.

В26   Такая глупая любовь : роман / Татьяна Веденская. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Жизнь пре-
красна. Позитивная проза Татьяны Веденской).

ISBN 978-5-699-94688-4

Сегодня очень важный день для Маши — презентация дизайн-проекта, над которым она работала вместе с Робертом. Роберт... Когда она думает о нем, бабочки порхают в животе. Когда представляет, какой долгой и счастливой будет их семейная жизнь, в душе звучит музыка. Жаль, что Он не слышит этого дивного мотива, не догадывается о прекрасном чувстве девушки. Боже мой, но что случилось с презентационными материалами?! Они заляпаны и измяты! Маша не может упасть в грязь лицом перед возлюбленным! Унижение, стыд, грязь плохо сочетаются с любовью. Или все же случается?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94688-4

© Саенко Т., 2017
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2018

Глава первая
Благородная чета
Кошкиных

*Ч*емоданы стояли в углу прихожей, а рядом с ними стояла Мария Андреевна Кошкина — Машенька, и выражение ее милого, нежного и немного детского лица совсем не нравилось Татьяне Ивановне. Не этой легкой улыбки, не этого светлого, даже радостного взгляда с задорной хитринкой ждала от своей двадцатидвухлетней дочери мать. И от того, как мечтательно улыбалась Машка, желание уезжать улетучивалось на глазах. Конечно, никому и в голову бы не пришло требовать от доченьки горестных стенаний и громких рыданий с заламыванием рук, мол, не уезжайте, люди добрые, не оставляйте меня одну-одинешеньку в трехкомнатной квартире с окнами на Сокольнический парк, да на целых три неделечки. Ой, да как же я тут без вас! Нет, конечно. Но ведь и радоваться-то было нечему. А она вот радуется, паразитка. Так откровенно и хищно радуется по поводу отъезда семьи, что хочется подойти и наподдать прям... Но нет. Непедагогично.

Любимое выражение ее папеньки — «непедагогично». Вот и довоспитывались, долиберальничались.

6 Татьяна Веденская

Поздно теперь менять педагогическую концепцию. Узнать бы теперь еще, что у нее в голове. В тихом омуте...

Маша маму не замечала, и от подглядывания за дочерью Татьяне Ивановне было немножко стыдно. Со всем чуть-чуть. А с другой стороны — и чего теперь? Караул кричать? Кашлять демонстративно? Вот ведь сияет. Наверное, уже вечером затеяла чего-нибудь... как бы это выразиться... непедагогичное. Может, и ехать-то вовсе не стоит. Это все отец, его спина больная, его кости и суставы — иными словами, опорно-двигательный аппарат — гнали их в санаторий, в эти дорогушие Карловы Вары.

Темноволосая головка Машеньки всегда была для Татьяны Ивановны проблемой. С самого детства Маша все делала по-своему, что означало, как правило, что делала она это не так, как надо. И ведь послал бог внешность — никогда в жизни не скажешь, какие черты прячутся за этой милой оболочкой.

Как такую оставлять одну? Это в Москве-то? Да к черту эту ее так называемую работу, пусть бы ехала с нами. К слову, кто же так на работу-то ходит, в таких легкомысленных беленьких платьях с открытыми плечиками! Даже пусть и лето, пусть и жара. Но та-а-ак оголять плечи! О чем только думает эта молодежь! Да бог с ней, с молодежью, знать бы, что в голове доченьки хитрющей и чего она так улыбается, какие такие у нее планы на эти три недели. Не наделала бы глупостей.

Самый большой кошмар — взрослая дочь, вошедшая в самую пору делать глупости. И мать прекрасно знает это, потому что сама была такой, и не так уж дав-

но, чтобы вообще об этом не помнить. Да еще на работе чуть ли не каждый день приходится видеть, слышать, от абортотоговаривать. Дуры бабы, ой дуры. Нет, лучше ни о чем не думать, не накручивать себя, а то... никто никуда не уедет.

— Ждешь не дождешься? — спросила Татьяна Ивановна, и Машка подпрыгнула, как кошка, пойманная над чужой сметаной. Тряхнула блестящими каштановыми волосами и скривила рожицу.

— Ты меня напугала, мам.

— Не знала, что я на Бабу-ягу похожа, — усмехнулась Татьяна Ивановна и покачала головой. Маша делала вид, что ничего не происходит, но взгляд ее то и дело скашивался на чемоданы. Татьяна Ивановна смотрела и думала: чего в ней такого? Вроде бы самая обычная — а взгляда не отвести. Простые карие глаза — но с хитринкой-веселинкой, личико милое, и нежная, не слишком выраженная линия подбородка. Зато кожа такая матовая и ровная, как бархат, к тому же сейчас, с этим неправдоподобно глубоким загаром, смотрится так, будто только что с морей, из Ниццы. Губы небольшие, пухлые, а улыбка милая, даже ангельская, и ямочка на щеке. Фигурой Маша пошла в отца — невысокий рост компенсировался хорошей осанкой и гордым разворотом плеч. Ладно скроенная, Маша обладала очарованием юности и какой-то гармонией. Ну, и кошачья улыбка, конечно. Улыбка была такая, от которой все Машино лицо словно заливалось светом.

— Ты не на Бабу-ягу, ты на владычицу морскую похожа.

8 Татьяна Веденская

— Не заговаривай мне зубы.

— Которые? Импланты твои? — усмехнулась Машка и убежала.

Эх, хороша девчонка. Как бы не задурила! Волосы блестят, лежат покорными ровными прядями. Клеопатра. Только глаза и выдают, беспокойные, мятежные. Но мать-то знает, мать-то не проведешь. Все делает по-своему, и всегда так было. Теперь уж и институт позади, кто бы мог поверить. И, между прочим, совсем не тот институт, что для нее был выбран родителями.

Впрочем, кого винить? Характер. А характером этим в нее пошла, в саму Татьяну Ивановну.

— Печенье не хватай! Подожди Сашку, сейчас завтракать будем, — крикнула Татьяна Ивановна, вытирая пот со лба. Август выдался жарким и сухим, так что ни зонтов, ни тем более курток не доставали — не возникало потребности. Уже пройдя по коридору вслед за дочерью, Татьяна Ивановна оглянулась и нахмурилась. Опять кто-то шуровал в чемоданах. Вот же — открыто. Небось Андрей что-то сунул. Или Сашка?

Несмотря на то что чемоданы упаковывались вот уже, наверное, неделю (мама всегда и во всем любила предусмотрительность), время от времени кто-то все равно подходил и раскрывал один из чемоданов, чтобы доложить какую-нибудь никому не нужную ерунду. Ручной эспандер — это Андрей положил. Наивный, надеется, что будет заниматься-тренироваться. Наколенники, чтобы кататься на роликах. Это Сашкины. Как будто ему разрешат по Карловым Варам беспризорно

колесить на роликах. Ему только позволь — и через пять минут он уже окажется где-нибудь в Швейцарии, не заметит, как переехал через Альпы.

Ах ты, опять сунул «лизуна» — последнее увлечение Саши! Татьяна Ивановна всплеснула руками и извлекла из чемодана игрушку — склизкий шар из какого-то прозрачного тянущегося материала, ударишь о стену — «лизун» превращается в лепешку, но дашь ему полежать — собирается обратно в желеобразный «снежок», на котором все домочадцы время от времени поскальзывались и который ненавидели всей душой.

— Нашла? — спросил Саша, подкравшись из-за спины. Голос, конечно, грустный.

— Где ты только их берешь!

— У меня золотой прииск «лизунов», — гордо ответил сын, двенадцатилетний генератор проблем с вихрастой головой и таким же, как у дочери, непредсказуемым характером.

— Я когда-нибудь хребет сломаю на твоих «лизунах».

— Осторожней надо быть.

— Иди завтракать, умник! — хмуро ответила Татьяна Ивановна. Сын покорно пошел. Завтрак в их доме был традицией, нарушать которую было себе дороже, хотя частенько и вставать, и есть в такую рань не хотелось. Но маму не переспоришь.

Семья должна собираться вместе за одним столом. Даже если дети при этом будут пялиться в фэйсбуки свои, да и папа тоже — туда же, новости читать, а мама — всех их ругать, ворчать и требовать повыбра-

сывать все эти гаджеты. Слово «гаджеты» мама использовала как ругательное.

А сегодня тем более никаких гаджетов, будь они неладны. Это же не просто завтрак — прощальный завтрак. Бедняжка Машка остается в Москве совсем одна! Сиди и рыдай. Вместе с «лизуном». Хотя нет, «лизуна» оставь.

— Я, может, тоже хочу остаться в Москве, — буркнул Сашка, но ответа дожидаться не стал, тут же скрылся в коридоре. А то мог бы и огрести — тапкой в спину. Или «лизуном».

Завтракали по давно уже заведенному порядку. Кухня была небольшая, обычная, и стол теснился у стены, отставленный ровно настолько, чтобы вместить за собой очень худых людей. В узком коридоре перед гинекологическим кабинетом Татьяны Ивановны тоже стоял стол, из-за которого пациентки, особенно толстушки, не могли разойтись, постоянно натываясь друг на друга.

Утренняя рутина была давно расписана Татьяной Ивановной до мелочей. Мужчины протискивались за стол со стороны стены и чинно ждали, пока их обслужат, все положат, а затем все уберут. А Маша — девочка, так что Маша должна была сидеть рядом с мамой с внешней стороны стола и помогать ей обслуживать мужчин. Помогала она? Как бы не так! Вернее, как придется она помогала! А в последнее время все чаще убегала в холл — разговаривать с кем-нибудь по мобильному. Мама фыркала, требовала от дочери «поймать уже совесть», но

Машка делала круглые глаза и шептала одними своими ярко-алыми губками:

— Это по работе!

— И что? — кипела и переливалась через край Татьяна Ивановна. — Что это за работа такая, ни минуты покоя. У женщины дом на первом месте! Все эти штучки — чистый феминизм!

«Феминизм» у Татьяны Ивановны тоже был словом ругательным. А для Маши, к сожалению, отчий дом не входил даже в топ-10, куда уж там первое место.

Забавно, кстати, что разделение обязанностей на мужские и женские в доме Кошкиных происходило не точно и неполно, так как когда дело доходило до забивания гвоздей, к примеру, Татьяна Ивановна, как правило, забивала их сама. Так, на всякий случай. А то еще попортят чего.

Папа иногда называл их дом приютом матриархата.

— Достань ложки! — скомандовала Татьяна Ивановна Маше, а сама пошла к плите, уверенная в том, что Маша услышала и исполнит ее приказ. Проблема была в том, что Маша в кухне отсутствовала, но Татьяна Ивановна так сосредоточилась на каше, что даже не заметила этого.

— Не хочу я есть! — воскликнул Сашка, сонно зевая.

— Что, успел слопать пряник? — с подозрением спросила мама, а Саша тут же отвернулся к окну. Затем перевел взгляд на мать и скорчил несчастное лицо.

— Отдай «лизуна».

12 Татьяна Веденская

— Коленку покажи, — ответила мать, игнорируя его вопрос.

— Нормально все.

— Покажи, я говорю.

— Хватит меня йодом поливать.

— Хватит коленки разбивать ежедневно, и я перестану.

— Не перестанешь. Тебе нравится людей пытаться. Ты даже не дуешь, когда щиплет.

— Господи, да я тебе коленки мажу три раза в день. Должен был бы уже привыкнуть. Думаешь, если родители — врачи, можно вообще не следить, куда ты несешься на своем велике?

— Что за шум, а драки нету? — Голос отца, мужа, почетного врача и члена приемной комиссии медицинского института, и проч., и проч., и проч., а именно — Андрея Владимировича Кошкина — звучал весело и бодро. Он вошел в кухню и бочком, аккуратненько просочился на свое место.

— Вот, Андрей, твой сын мне грубит! — воскликнула Татьяна Ивановна, возмущенно размешивая кашу в кастрюле.

— Что это он у тебя, как только грубит, сразу становится моим сыном? — усмехнулся Андрей Владимирович и уселся на свое место у стены.

— Это все ты, уговорил меня купить ему велик. Ну нет у него координации!

— У меня отличная координация! — возмутился Саша. — Я даже кросс-ап делаю, а его почти никто не делает.

— Кросс-ап? — Татьяна Ивановна отложила ложку. — Это что за напасть? Сломает он голову на этом велике. — И тут она перевела взгляд на мужа. Андрей Владимирович, хотя и излучал довольство и благой настрой, однако за столом сидел в шейном корсете, застегнутом сзади на липучку. — Ты чего в ошейнике-то с утра? Опять пятый позвонок? — нахмурилась мама, глядя, как ее муж стаскивает шейный корсет и кладет его рядом с тарелкой овсянки. Есть в шейном корсете очень неудобно — это они хорошо знали по опыту.

— Ага. Тянет.

— Ох ты ж горе луковое. Это все потому, что ты зарядку никогда не делаешь. Если бы ты зарядку делал, нам бы и в эти Вары ехать не пришлось. И на душ Шарко ты не пошел.

— Слушай, Танюш, не начинай, ладно? — попросил Андрей Владимирович. — Я сам доктор, я знаю, что мне нужно.

— Знаешь — но не делаешь. Тоже мне, спортивный доктор. Сам-то всех отправляешь в бассейны и на физкультуры, да?

— Я ходил на растяжки! — обиженно протянул муж.

— Лежал на кровати, ага, — Татьяна Ивановна кидала ему в тарелку кашу так, словно хотела ее за что-то наказать.

— А чего плохого в Варах? — миролюбиво переспросил отец.

— А чего хорошего? Вот и Маша не может поехать, как я должна ее тут бросить? Маша, а где она? Опять, что ли, ей позвонили?

Татьяна Ивановна бросила две тарелки с кашей на стол.

— Да не волнуйся ты, Татьяна. Она справится! — вступился отец. Как всегда, как всегда.

— Справится она... — В голосе мамы отчетливо слышалось недовольство, связанное главным образом с тем, что крыть ей было нечем. Чего бы ей, двадцатидвухлетней девице с блестящими от радости глазами, не справиться с тремя неделями полной свободы? — Цветы мне поливать не забывай, — строго бросила мама.

— Ну чего тут такого, а?

— Цветы мне загубит, — всплеснула руками Татьяна Ивановна. — Все забудет и перепутает.

— Забудешь тут. Ты ж ей десять инструкций оставила, — хмыкнул отец.

— Когда я уезжала на симпозиум, я просила ее поливать цветы, — ехидно заметила мама.

— Ой, не начинай.

— Я просто так, к слову. Герани еще выжили, а орхидея погибла. Так что мне теперь отчего-то не кажется, что инструкций окажется достаточно. Маша! Маша, где тебя носит? Завтрак остывает! Маша, мы же тебя ждем! — пробормотала Татьяна Ивановна с раздражением, но дочери так и не было. Пришлось идти за ней. Конечно, принцессам — персональное приглашение.

Татьяна Ивановна зашла в Машину комнату, но, к ее большому удивлению, Маши там не оказалось. Татьяна Ивановна огляделась по сторонам — в комнате дочери,

как всегда, царил творческий беспорядок. Весь письменный стол был завален какими-то рисунками, созданными на компьютере. На взгляд Татьяны Ивановны, все они были одинаковыми, но она уже знала по опыту, что все эти дизайнерские эскизы — плоды долгих трудов, мельчайших изменений и поисков, которых она не могла (да и не хотела) понять.

Что это за профессия — дизайнер? Могла бы стать педиатром, стоматологом. Или, как мама, гинекологом. А это что?

— Маша, ты где? — крикнула Татьяна Ивановна, подняла с пола парочку блузок и светлых брюк. Видимо, забракованные дочкой вещи. Конечно, зачем идти на работу в приличных льняных брючках и милой шелковой блузке! Голые плечи — как раз то что надо для того, чтобы тебя принимали всерьез в архитектурном бюро. Впрочем, если ее там будут обижать и не ценить по достоинству, даже лучше. Быстрее образумится. Правда, врачом уже все равно не станет. Эх, дети-дети. Училась ведь на одни пятерки. Нужно было отдавать в музыкалку. Тоже, между прочим, Андрюшка. Девочка рисует, у девочки талант! И что теперь? Чертит, где у кого в доме туалеты стоять будут!

— Маша! — прокричала Татьяна Ивановна и пошла к двери. Но стоило ей подойти к проему, как дверь внезапно распахнулась, чуть не ударив по плечу, и на пороге комнаты Татьяна Ивановна увидела Машу со злыми слезами на глазах и с какими-то крупными листами в руках.

— Он все испортил! Он... он...